

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФГАОУ ВО «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЮНЕСКО
ПО ИЗУЧЕНИЮ КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИРОВОЙ ЭТНОСПОРТ (ОБЩЕСТВО)
АССОЦИАЦИЯ (СОЮЗ) СОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕСТИВАЛЯ
КАЗАЧЬИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА
И НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА «ШЕРМИЦИИ»
ВОЙСКОВОЕ КАЗАЧЬЕ ОБЩЕСТВО «ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ»
ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

**ВОИНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ
В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ
ЮГА РОССИИ**

VIII ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

г. Ростов-на-Дону
2019 г.

ББК 68,3+71.1
УДК 355.01
В-65

Редакционная коллегия:

Бойко А.Л., к.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира ИИМО ЮФУ;

Черницын С.В., к.и.н., доцент кафедры истории и культурологии ДГТУ;

Шалак М.Е., к.и.н., доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения ИИМО ЮФУ;

Яровой А.В., д.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института Донского государственного аграрного университета в г. Зернограде.

В-65 **Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения):** Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17-18 мая 2019 г.) / Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.ф.н. А.В. Яровой. – Ростов н/Д.: Изд-во «Альтаир», 2019. -266 с.

ISBN 978-5-91951-578-4

В сборник включены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Война и воинские традиции в культурах народов Юга России» (VIII Токаревские чтения), проходившей 17-18 мая 2019 г. на базе Института истории и международных отношений ЮФУ.

Конференция посвящена памяти выдающегося отечественного конструктора-оружейника Ф.В. Токарева, родившегося на Дону в 1871 г. Доклады конференции освещают темы войны и воинских традиций в истории народов Юга России и ряда сопредельных территорий.

Сборник предназначен для специалистов в области военной истории, культурологии, социологии и археологии. В качестве учебного пособия может быть использован студентами гуманитарных факультетов вузов.

Для оформления обложки использована украинская народная картина «Казак-мамай» из собрания Государственного музея украинского изобразительного искусства (г. Киев), представленная в комплекте открыток «Украинские народные картины «Казак-мамай» серии «Хранится в музеях СССР». Ленинград, Изд-во «Аврора», 1975.

Дирекция ИИМО ЮФУ благодарит Фонд

имени священника Илии Попова

за финансовую помощь в создании сборника

ISBN 978-5-91951-578-4

© ИИМО ЮФУ, составление, 2019

© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ**

Амирханова А.К. КОЧЕВЬЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ НОГАЙЦЕВ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	5
Яровой А.В. «ГЛАВНОЮ ПРУЖИНОЮ ИХ ДЕЯНИЙ СЛУЖАТ БРАННОСТНЫЕ ВОИНСТВЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ»: ВОЕННАЯ ИГРА XVIII В. В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАРОЧЕРКАССКА	11
Бойко А.Л., Толочко И.В. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НИЖНЕДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОРОДКОВ	19

РАЗДЕЛ II.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Матвеев О.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ, ГОРСКОЙ И КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР В ИСТОРИИ КУБАНСКО-ЛАБИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)	43
Бурлака В.О. РУССКИЙ ПОСОЛ В АЗОВЕ В 1592 ГОДУ	49
Евдокимов Р.Н., Юрченко И.Ю. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕРМИНА «КАЗАКИ» В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.)	53
Козлов С.С. КАЗАКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ Г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ	58
Андреев А.О. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАХОШЕВСКОГО МЕНОВОГО ДВОРА ГЛАВНОГО ПОПЕЧИТЕЛЯ КАВКАЗСКИХ МЕНОВЫХ СНОШЕНИЙ С ГОРЦАМИ ЗА 1846–1853 ГГ., ПО ДОКУМЕНТАМ ГАКК (С КРАТКОЙ АРХЕОГРАФИЕЙ ФОНДА)	64
Перетягко А.Ю. ОСОБЕННОСТИ ДОНСКОЙ СТАТИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	68
Кальниченко В.Н. МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ РАСКОЛА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1890-1900 гг.	72
Юрченко И.Ю. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАЗАЧЕСТВА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ И НАУКАХ О КАЗАЧЕСТВЕ	77

содержались в отчетах войскового атамана, и согласно которым уже к 1881 г. стало возможным восстановить нормальный штат донских частей [4, с. 345]. А ведь речь в данном случае идет о численности населения, а не о более неоднозначных и сложно учитываемых факторах вроде его зажиточности или уровня доходов! Фактически, во второй половине XIX в. Военное Министерство на Дону проводило свою политику в условиях отсутствия полноценной обратной связи, и неудивительно, что многие из принятых им решений оказались неудачными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864-1882 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Вып.2. Ростов н/Д., 2008.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1
3. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.
4. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
5. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937.

В.Н. Кальниченко (Ростов-на-Дону)

МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ РАСКОЛА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1890-1900 ГГ.

Фактическое положение донских старообрядцев было далеко неоднозначным с момента появления на Донской территории староверов и их взаимоотношений с пореформенной церковью. Проводимая политика официальной Православной церкви выстраивала далеко идущие цели по преодолению раскола в Донской епархии и «завлечение» в свою паству донских калмыков.

Организация новой епархии обуславливалась несколькими субъективными и объективными факторами. Первая – отдаленность от духовного центра. Напомним, что ранее, с 1718 г., Земля Войска Донского в религиозном отношении подчинялась Воронежской епархии, а после несколь-

ких реорганизаций и административно-территориальных корректировок Донская и Новочеркасская епархии с 1842 г. стали локально охватывать всю Донскую территорию. И вторая причина, по замечанию фактически главного лица донской религиозной газеты – Донских епархиальных ведомостей А.А. Кириллова, «ближайшей причиной к открытию Донской епархии послужило умножение раскола» [7, с. 51].

Хронологическая казуальность нашего исследования объясняется усилением активности Донской Духовной консистории по решению вопроса с «раскольниками», поэтому миссионерство в Донском регионе было наиболее актуально и являлось серьезной проблемой, которая всегда тесно переплеталась с общеполитической деятельностью католической церкви.

Обращая взгляд на механизмы «обработки» иных конфессий и религиозных групп, отметим альтернативность инструментария по решению данного вопроса. Например, в начале XIX в. создается «заманчивый» для приверженцев древлеправославия религиозный феномен – Единоверие (старообрядчество в официальной церкви). На этот счет существует несколько исследовательских точек зрения. Дореволюционный богослов Н.В. Лысогорский в своей работе «Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.)» отмечает, что единоверие имело широкое распространение на донских старообрядцев [8]. Напротив, современный исследователь А.С. Палкин, хотя в его географический охват не входит Земля Войска Донского (т.к. не было отдельной единоверческой епархии), заключает, что «...крошечные островки единоверия в море раскола...не оказывали значительного влияния на старообрядчество» [9, с. 114].

Постепенно открывая для себя новые механизмы работы с «раскольниками», православная церковь во второй половине XIX в. вводит новые способы для преодоления раскола. Отдельным этапом этой деятельности является вторая половина XIX в. и в частности исследуемый нами период.

Созданная «Ведомость о состоянии раскола по округам в Донской области» за 1890–1891 гг., «Ведомость о состоянии раскола по благочиниям в Донской области» 1895 г. и «Отчет о состоянии Донской епархии» за 1900 г. – свидетельствует нам о подвижных взаимосвязях между «раскольниками» и греко-российской церковью. Для понимания этих отношений обратимся к информации вышеизложенных отчетных документов. В первую очередь, стоит выделить механизмы воздействия на «инакомыслящих».

1. Устное общение местного священника: «...можно указать на священника Маньчской станицы Константина Евфимьева, который часто устраивает частные с раскольниками беседы и ведет их умело и со знанием своего дела. Беседы его благотворно действуют на раскольников: некоторые из них поколебались в своих религиозных убеждениях и многие относятся к нему с добрым расположением» [1, л. 62.];

Цивилизационное пространство Юга России: история и современность

Например, наблюдается и другая тенденция в результативности бесед местного духовенства – «уклонившуюся из Православия в раскол... и она, осознав свое заблуждение, чистосердечно раскаялась...» [3, с. 1–2].

2. В широком распространении полемические письма и брошюры. «По борьбе с расколом священники, кроме устных бесед, при удачных случаях распространяли противораскольнические брошюры и сочинения» [2, л. 4об.].

На данном этапе рассмотрения стоит сделать важное замечание: в использованных документах понятие «раскольник» напрямую относится к старообрядчеству, не взирая, на различие в толках и согласиях, а иногда и совсем иные религиозные группы подвержены такому уничижительному определению.

Наряду с доброжелательным отношением старообрядцев к православному духовенству встречается порой резкое неприятие и традиционный изоляционизм. «Раскольники нередко уклоняются от этих собеседований, особенно из них беспоповцы враждебно относятся к православному духовенству. ...Поповского толка имеют к православному духовенству более миролюбивое отношение» [1, л. 22-23].

У старообрядцев-беспоповцев наблюдается общая характеристика к недоброжелательному отношению к собеседованиям и православному духовенству, тем самым высказывая свою прямую конфронтацию и позицию духовной несообщенности.

Старообрядцы Новониколаевского благочиния имеют обратную особенность. «Глаголемые старообрядцы перестали относиться враждебно к православным...» [2, л. 78.], перестали считать их еретиками.

В Усть-Медведицком благочинии в 1895 г. отмечены соседские отношения. «Бывают случаи посещения раскольниками православного храма при богослужениях; при совершении православных браков и погребений; а в некоторых приходах раскольники принимают св. иконы в свои дома, во время хождения и служения молебнов и участвовали в молебствии» [1, л. 90].

Т.е. на приведенных примерах можно заметить пестроту их взаимоотношений, но эти взаимоотношения зависели напрямую от исторически сложившихся отношений друг с другом и деятельностью православной миссии.

Не менее сложным процессом являлось выяснение истоков проблемы и почему «раскол» существует в Донской епархии. Выделяются следующие причины.

1. Невежество и фанатичная вера. «Раскольники в своих религиозных верованиях могут быть охарактеризованы так: крайне упорны, фанатичны, безотчетно устойчивы, строго держатся буквы и обряд ставят выше догмата, «...более всего способствует их умственная слепота».

При этом другое благочиние показывает иное положение. «Приятном положении, т.е. без усиления раскола и без вредного его воздействия на православные приходы. К православному населению раскол относится без вреда и фанатизма» [2, л. 25].

2. Приверженность к традициям и вере предков. «Раскол существовал в приходах цимлянского благочиния с давних времен; причина существования раскола заключается в том, что раскольники по невежеству своему привержены к мнимой старине и привыкли жить и веровать так, как жили и веровали их отцы и деды» [2, л. 22].

3. С момента раскола в Русской церкви. «Раскол в округе Глазуновского благочиния, по словам самих раскольников, существует со времен исправления богослужебных книг при патриархе Никоне» [1, л. 27].

Причем эти причины наблюдаются во всех благочиниях Донской епархии, но действительного эффекта православного миссионерства не замечается.

По вопросу о статистических сведениях в Донской области нельзя не согласиться с мнением А.Ю. Перетятко, который заключает, что статистика совсем несостоятельна и велась попросту халатно. Присовокупив статистический учет старообрядцев и иных религиозных групп, также является лишь условным компонентом.

Например, в отчете за 1890–1891 г. в Черкасском округе численность «раскольников» равняется 5188 чел., а по данным Донских епархиальных ведомостей за 1890 г. в том же округе «раскольников» 5314 чел. Такая же разность цифр встречается и в Донецком округе – 9413 [1, л. 84], к 8342 – человек [1, с. 52].

Необходимо обратить внимание на общее количество старообрядцев в Донской епархии. Их численность составляет 104 813 человек [4, с. 244], а в 1895 г. староверов было 112 690 человек [3, л. 71]. По результатам Первой Всеобщей переписи 1897 г. с формулировкой «старообрядцы и уклонившиеся от православия» насчитывалось 130 450 человек [10, с. 5].

Из вышеприведенного мы замечаем несогласованность отчетных сведений Донской духовной консистории и периодической печати. При этом наблюдается положительная динамика численности старообрядчества.

Касаясь миссионерской деятельности по преодолению раскола, мы также видим довольно противоречивые сведения о результативности этой работы. В употребляемых нами документах, в самом конце отчетов выводилось обобщающее «Примечание», где: а) сообщалось об общем положении раскола; б) об успешности миссионерского служения.

«Раскол...существует издавна и в одинаковом положении» [2, л. 90] и «трудами духовенства и миссии обращены к православию в течение 1890 г. 493 раскольника» [2, л. 87], а в 1895 г. – 101 человек [1]. Если мы сравним общее количество староверов и миссионерскую деятельность, то эта работа выглядит довольно блекло. Из вернувшихся в лоно официальной были не только старообрядцы, но и «просвещены Св. крещением 1 молоканин и 1 еврейка» [2, л. 58].

Донские епархиальные ведомости практически в каждом своем номере сообщают о религиозных беседах с «раскольниками». Также, должным образом приводится, «эффективность» собеседований, где пофамильно

перечисляется список людей, вернувшихся в лоно Греко-русской католической церкви. Но ни в одном номере не приводится численная составляющая присоединенных, благодаря которой можно было бы довериться, хотя и с долей осторожности. Необходимо упомянуть, что со стороны «присоединившихся» было немало случаев возврата в старообрядчество.

Последним пунктом неэффективности миссионерской деятельности по решению раскола являются данные Донской духовной консистории за 1900 г. Во-первых, духовенство отправляется на дополнительное обучение – «Кирилло-Мефодиевской церкви ... священники упомянутой церкви прослушали двухгодичные миссионерские курсы при Казанской академии» и, во-вторых, «...11 мая были переведены тропари: «Христос воскрес»...» для калмыков [2, л.14]. Следовательно, пастыри получают дополнительные знания, происходит переориентирование деятельности духовенства, переводятся отдельные богослужебные тексты для обращения в Православие донских калмыков. Никаких сведений о деятельности в отношении староверов.

Таким образом, из использованных нами отчетных документов по религиозному состоянию на территории Донской епархии мы наблюдаем неоднородность положения и вариативность взаимоотношений между православной пасторью и старообрядцами. Несмотря на различные «уловки» и изменяемые механизмы работы миссии духовенство фактически не улучшило ситуацию. Необходимо подчеркнуть, что на территории Области Войска Донского встречаются довольно разные религиозные группы, на которых существовал ярлык «раскольников» и порой отделить старообрядчество от иных религиозных групп не представлялось возможным. Несмотря на условность общей статистики «раскольников», мы наблюдаем довольно порядочный рост количества старообрядчества, хотя фактическая цифра их пока так и остается загадкой.

В материалах Донской духовной консистории и религиозной периодической печати мы не замечаем объективной взаимодополняемости сведений в источниках, а отмечаем противоречивость информации.

Обобщая все вышеизложенное, миссионерская работа по преодолению раскола не была эффективной ни в количественном, ни в качественном отношении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 226. Оп. 19. Д. 75 а.
2. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 76.
3. ДЕВ. 1890. № 6.
4. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 60.
5. Кальниченко В.Н. Миссионерская деятельность на территории Донской епархии во второй половине XIX века. Материалы Международ-

- ного молодежного научного форума «Ломоносов-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2019.
6. Кальниченко В.Н. Миссионерство на территории Донской епархии во второй половине XIX в. // Вклад молодых ученых Южного макрорегиона в реализацию Стратегии развития Российской Федерации: цели, задачи, результаты: ТД (г. Ростов-на-Дону, 15–26 апреля 2019 г.). Ростов н/Д, 2019.
 7. Кириллов А.А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // СОВДСК. Вып. 7. Новочеркасск, 1907.
 8. Лысогорский Н.В. Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.) Сергиев Посад, 1915.
 9. Палкин А.С. Единоверие с середины XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.
 10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 12: Область Войска Донского. СПб., 1905.

И.Ю. Юрченко (Москва)

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАЗАЧЕСТВА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ И НАУКАХ О КАЗАЧЕСТВЕ

Казачество как сложный, комплексный исторический и этнокультурный феномен возникло и несколько столетий развивалось на степном межцивилизационном фронтире «Дикого Поля» между взаимодействующими оседлыми земледельческими и кочевыми скотоводческими обществами. История накопления источников, а затем изучения казачьих сообществ и казачества как явления насчитывает уже несколько столетий. Однако и по сей день не утихают споры политиков и дискуссии ученых специалистов – историков, лингвистов, юристов, этнографов, социологов, культурологов, философов – о самой природе казачества как исторического феномена и этнического и общественного явления.

Актуальность изучения данной проблемы проявляется в неясности формулировок, принадлежащих в числе прочих и главе государства. Так, В.В. Путин, в своей программной статье, посвященной военной политике России, сказав, что казаки были фактически подвергнуты геноциду, назвал сегодняшних казаков «сословием», к которому «себя относят миллионы наших граждан» [6]. В то же время ныне действующий в России закон «О реабилитации репрессированных народов» прямо называет казачество (как культурно-этническую общность) в числе народов России, подвергнувшихся политике клеветы и геноцида (ст. 2).